

Кожу съела соль и гниль

Алексей БАСТРОН

Боярёнок Василий Герасимович (1922-1987 гг.), уроженец села Унара Унарского сельского Совета Седельниковского района. В РККА призван Седельниковским РВК в сентябре 1941 года. Старший сержант, пулеметчик 37 отдельного лыжного истребительного батальона Северо-Западного фронта, позже – старший вычислитель штаба 2 дивизиона 56 пушечной артиллерийской бригады 26 артиллерийской Сивашской дважды Краснознаменной ордена Суворова дивизии Резерва главного командования 2 Белорусского фронта. После войны – младший лейтенант. Член ВКП(б) с февраля 1944 года. Ранен. Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», знаком «Отличный артиллерист».

По-разному в Седельниковское районное поисковое объединение поступает информация о Солдатах Победы. Но самые ценные данные – это те, что пришли к нам из первых уст, от самих ветеранов Великой Отечественной.

Про Василия Герасимовича Боярёнка, родившегося 21 июня 1922 года в Унаре и работавшего в семидесятые годы XX столетия мастером Усть-Инцовского лесоучастка, помимо архивных данных у нас есть еще два источника: авторская статья «Орден за руководство боем» из районной газеты «Сибирский труженик» за №57-58 (3534-3535) от 9 мая 1975 года и его воспоминания, записанные от руки на тетрадных страницах. Они взаимно дополняют друга, показывая с разных сторон фронтовые будни солдата-артиллериста. Если все выстроить хронологически, то служба моего героя была такой: «...Я – участник Великой Отечественной войны, о ней я узнал, находясь на подготовке к призыву в Красную армию в Седельникове. 22 июня 1941 года. На площади – митинг, много добровольцев подали заявления об отправке на фронт. Вечером нас распустили по домам...

В конце августа нас, семь человек, повезли в армию. Я был зачислен пулеметчиком в 37 отдельный лыжный истребительный батальон, в составе которого в конце января 1942 года прибыл на фронт под Ленинград, где получил боевое крещение, а 15 марта – ранение.

В то время разобраться в войне было сложно, немцы свирепствовали как на земле, так и в воздухе, их самолеты гонялись даже за отдельно идущими людьми и расстреливали их, у нас не хватало оружия, причем не только танков и самолетов, но даже винтовок и автоматов.

После излечения в июне 1942 года по инвалидности я был освобожден из рядов Красной армии и вернулся в село Унара. В ноябре того же года был повторно призван и зачислен сначала в 54 запасной стрелковый полк, а затем в 26 гаубичную артдивизию Резерва главного командования. Окончил школу

младших командиров, стал командиром топографического отделения дивизиона. В составе этой дивизии мне пришлось освобождать области Украинской ССР от Таганрога, часть Донецкой, Запорожской и Николаевской областей. От речного порта Верх Лопатин нас повернули в Крым. Озеро Сиваш пришлось переходить вброд, полтора километра неся на себе все штабное имущество и топографические инструменты. Это было в феврале 1944 года. Вода была холодная, гнилая и соленая. Когда перешли на другой берег, на плацдарм в 15 километров по фронту и шесть в глубину, то на ногах по колено не было кожи – ее объела соль и гниль воды. Но на войне это не считалось за боль...

Боль была другая – поскорее разбить гитлеровцев в Крыму. Здесь я принимал участие в боях за Севастополь, в ликвидации отрезанной на полуострове группировки фашистов, на мысе Херсонес. Там в плен попали 21 тысяча солдат и офицеров Вермахта. Эти задачи я и мои сослуживцы выполняли в составе 4 Украинского фронта, а наша дивизия получила почетное наименование Сивашская.

В июне 1944 года нас перебросили в Белоруссию, где я воевал в составе 1 и 2 Белорусских фронтов. Начав наступление от Жлобино и Бобруйска, мы завершили свой путь в 60 километрах от Берлина на побережье Балтийского моря. Вообще же за годы войны я принимал участие в боях на Курской дуге, в освобождении Минска, воевал в Польше, очищая от врага Варшаву, Данциг, Гдыню.

Не доходя ста километров до Кенигсберга нашу дивизию, которая была на мехтяге, командование бросило на ликвидацию окруженной группировки немцев под Торгау. Там нами – 30 солдатами – было взято в плен и убито более 900 немецких солдат и офицеров. Командовал нами начальник 54 артбригады РК подполковник Имайгев, но в атаке он был убит и командование этой группой солдат я взял на себя...»

О том, как это было, ветеран рассказал в газетной статье 1975 года: «...За четыре года войны пережито и пройдено немало, я несколько раз был ранен. Участвовал в ликвидации крымской группировки врага, освобождал Украину, Белоруссию, Польшу. Навсегда запомнился февраль 1945 года. По немецким городом Торгау нашими войсками была окружена фашистская группировка. После упорных боев часть их все же вырвалась из кольца и стала своими действиями угрожать тылам армии. Резерву главного командования, в войсках которого находился тогда я, было приказано перейти реку Висла и разгромить группировку.

В районе колонии Ляхово (так, помнится, называлось местечко) мы столкнулись с вражеской офицерской разведкой. Завязался бой. Начальника штаба, командовавшего тогда нашей группой, сразила фашистская пуля. Руководство боем я взял на себя. Бой выиграли, 78 фашистов взяли в плен, многих уничтожили. За руководство боем я и получил орден Красной Звезды...»

А вот и документальное подтверждение словам Василия Герасимовича: «Приказом №11/н от 27 февраля 1945 года по войскам 56 пушечной

артбригады 26 артдивизии награждается сержант, старший вычислитель штаба 2 дивизиона за то, что 8 февраля 1945 года в бою с прорывающимся противником в районе колонии Ляшево показал образцы мужества. В момент атаки противника одним из первых поднялся в контратаку, из личного оружия уничтожил пятерых унтер-офицеров и девятерых солдат. Заменяв командира пехотного отделения, умело руководил подразделением, в результате чего захватил в плен 12 солдат и офицеров». Не знал лишь отважный артиллерист одного, что за этот подвиг его представили к более высокой награде – ордену Отечественной войны II степени. На вышестоящему ровне статус понизили, и Василий Боярёнок был удостоен ордена Красной Звезды.

Но вновь вернем слово ветерану: «...Когда наша дивизия в районе портового города Штеттин в середине апреля подошла к реке Одер, где был сильно укрепленный район противника, для наведения переправы через реку и форсирования ее сильно мешал артиллерийский огонь немцев. Командование решило, что для обнаружения целей и уничтожения их огнем нашей артиллерии, необходимо привлечь самолеты и наш второй дивизион. Мне на переднем крае предстояло вносить поправки в исходные данные для стрельбы. Эта операция силами артиллерии нашего дивизиона проводилась трижды, чтобы выявить все огневые точки врага. В итоге штурмовиками и нашими пушками было уничтожено 16 пушек врага. За этот бой я был награжден вторым орденом Красной Звезды...»

И вновь беру в руки наградной приказ №15/н от 17 июня 1945 года и наградной лист унарского топовычислителя. «Образцы отваги, мужества и высокой воинской выучки показал товарищ Бояронок (так в документе – А.В.) в боях при форсировании реки Одер и прорыве обороны немцев на левом берегу южнее города Штеттин. 20 апреля 1945 года точной подготовкой данных обеспечил подавление трех артбатарей противника. 21 апреля, ведя пристрелку с помощью самолета-корректировщика, попал под обстрел. Находясь вне укрытия, презирая смерть, продолжал работать на планшете, чем обеспечил подавление двух 105-мм батарей врага и успешную переправу нашей пехоты и танков через реку Одер».

– Форсировав последнюю крупную водную преграду – реку Одер, – вспоминает дальше Василий Герасимович, – на своем пути к Берлину мы на каждом шагу встречали хорошо укрепленные точки немцев, которые оказывали сильное сопротивление, приходилось их уничтожать.

Победу я встретил 9 мая 1945 года на северной окраине Берлина. Это был солнечный, ясный и теплый день. Накануне меня вызвал к себе начальник штаба старший лейтенант Успенский и приказал солдатам, обслуживающим штаб дивизиона, окопаться в человеческий рост, а мне, как старшему вычислителю, подготовить планшеты для стрельбы. На мой вопрос, для чего это нужно, он ответил: «Ожидается высадка десанта немцев со стороны моря». Приказ есть приказ, он был выполнен, но часов в пять или шесть утра 9 мая старлей меня разбудил и кричит: «Чего спишь, солдат, ставай! Победа!!!» Солдат не надо было поднимать, они все уже были на ногах.

Проходя по нашей земле, по Польше, мы почти не видели уцелевших городов и сел, видели развалины, сгоревшие хаты и почерневшие печные трубы, выжженные поля. Мне пришлось принимать участие и в освобождении района, где располагался концлагерь Майданек, где дымили трубы его крематория. Жутко от всего было, особенно от складов с женскими волосами, детской и женской обувью. А на территории лагеря лежал женский труп с отрубленными ногами. На это зрелище даже нам, мужикам, без слез смотреть было сложно. Потому и били фашиста крепко...»

На этой фразе воспоминания ветерана заканчиваются. Что тут еще добавишь? Ничего.

Кстати, на основе архивных документов сегодня удалось до дня восстановить боевой путь Василия Боярёнка: с 1 февраля по 15 марта 1942 года – Северо-Западный фронт в составе отдельного лыжного истребительного батальона, с 23 сентября 1943 по 15 июня 1944 года – 4 Украинский фронт, с 15 июня по 25 ноября 1944 года – 1 Белорусский фронт, до конца войны – на 2 Белорусском фронте. Есть в наградных и другие метрические и послужные данные: русский, член ВКБ(б) с 1944 года, партбилет №6284088, в Отечественной войне 15 марта 1942 года тяжело ранен. Кроме двух орденов Красной Звезды, он был награжден знаком «Отличный артиллерист».

После войны он был удостоен медалей «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», в 1970 году – «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», а в 1985-м – ордена Отечественной войны II степени.